1896

№ 1³ – 2³

Н. Н. СТРАХОВЪ.

(НЕКРОЛОГЪ).

„Смерть жатву жизни коситъ, коситъ
И каждый день, и каждый часъ
Добычи новой жизни проситъ
И грозно разрываетъ насъ.

Эти стихи князя Вяземскаго выражаютъ собою истину старую какъ міръ и, тѣмъ не менѣе, приходятъ въ голову каждый разъ, когда постигаетъ человѣка одна изъ тѣхъ потерь, о которыхъ Горацій нѣкогда сказалъ: „Есть ли мѣра скорби о такой дорогой жизни“. Дѣйствительно, дорогая жизнь ушла надняхъ изъ нашей среды: 24-го января скончаля Николай Николаевичъ Страховъ. Въ немъ не только друзья потеряли друга, въ немъ русская земля лишилась однаго изъ самыхъ даровитыхъ своихъ сыновъ. Въ немъ утратили мы человѣка широко образованнаго: естествоиспытателя, литературнаго критика, философа и ко всему этому еще замѣчательго писателя. Можетъ быть, теперь не всѣ еще это чувствуютъ, но я глубоко убѣжденъ въ томъ, что настанетъ время, когда историкъ литературы, описывая нашу эпоху, отведетъ Н. Н. Страхову самое почетное мѣсто. Но не только какъ ученый и литераторъ останется въ памяти покойный: современники вѣроятно передадутъ потомству образъ его, какъ человѣка; долго я жилъ на свѣтѣ, но я мало встрѣчалъ людей, которые такъ безобидно и снисходительно относились бы къ своимъ ближнимъ. Люди любятъ позлословить о другихъ, находить въ нихъ недостатки, произносить надъ ними строгій судъ,—никогда ничего подобнаго не слыхалъ я отъ Н. Н. Страхова за долгій періодъ нашего знакомства: ко всѣмъ онъ былъ благоду-

шенъ, ко всѣмъ относился снисходительно. Бесѣда съ Николаемъ Николаевичемъ всегда была поучительна, мысль его всегда была оригинальна и широка. Широта мысли — явленіе не частое въ нашемъ обществѣ, а особенно въ настоящее время.

Николай Николаевичъ Страховъ, сынъ бѣлгородскаго протоіерея, родился въ 1828 г. Учился онъ сначала въ Бѣлгородскомъ и Каменецъ-Подольскомъ духовныхъ училищахъ; кончилъ курсъ въ Костромской семинаріи, гдѣ дядя его былъ ректоромъ. Въ 1844 г. онъ вышелъ изъ философскаго класса и поступилъ въ Петербургскій университетъ, гдѣ учился сначала въ камеральномъ, а потомъ математическомъ факультетѣ. Въ 1847 г. по недостатку средствъ перешелъ въ педагогическій институтъ, гдѣ окончилъ курсъ въ 1851 г. по математическому факультету. Послѣ того онъ былъ учителемъ—сначала математики въ Одесской гимназіи, а потомъ естественныхъ наукъ во второй Петербургской гимназіи. Въ 1861 г. онъ вышелъ въ отставку, а между тѣмъ въ 1857 г. выдержалъ экзаменъ на степень магистра зоологіи и защитилъ диссертацію: „О костяхъ запястья у млекопитающихъ“. Въ 1861 г. онъ впервые выступилъ на литературное поприще, помѣстивъ въ журналѣ *Русскій Міръ* свою статью: „Письма объ органической жизни“; послужившія зерномъ его знаменитаго сочиненія: „Міръ, какъ цѣлое“. Статья эта обратила на себя вниманіе такого чуткаго критика, какимъ былъ А. А. Григорьевъ, который и до сихъ поръ еще неизвѣстенъ намъ во всю ширину его таланта, хотя по обширности образованія, по необыкновенной тонкости пониманія съ нимъ могутъ равняться очень немногіе изъ нашихъ критиковъ, а ближе всѣхъ подходитъ къ нему Н. Н. Страховъ; эта то близость и была причиною того, что Страховъ ранѣе, чѣмъ кто либо другой, оцѣнилъ Григорьева, началъ изданіе его сочиненій, къ сожалѣнію, ограниченное однимъ первымъ томомъ, и первый сдѣлалъ, хотя краткую, но полную смысла оцѣнку его дѣятельности. Въ 60-хъ и первыхъ 70-хъ годахъ Страховъ участвовалъ въ разныхъ журналахъ (*Время, Заря, Отечественныя Записки, Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, гдѣ онъ былъ помощникомъ редактора) и переводилъ много разныхъ книгъ, между прочимъ: исторію философіи Куно-Фишера, Тэна — „Объ умѣ и познаніи“ и т. д. Одно время былъ онъ библіотекаремъ въ Публичной библіотекѣ (1873—1885 гг.). Отъ 1874 до кончины былъ членомъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія. Въ 1889 г. онъ былъ избранъ членомъ-корреспондентомъ II отдѣленія Академіи Наукъ“. Въ

60-хъ годахъ Н. Н. Страховъ велъ тонкую, но оживленную полемику противъ господствующаго тогда направленія, которая впослѣдствіи собрана была въ его книгѣ: „Изъ исторіи литературнаго нигилизма“. Эти тонкія, но беззлобныя статьи, помѣщавшіяся во *Времени* породили цѣлую бурю негодованія въ тогдашнихъ преобладающихъ органахъ печати *Современникѣ* и въ *Русскомъ Словѣ*. Современному читателю трудно представить себѣ, какъ мудрено было дѣятелямъ той эпохи идти противъ теченія и какъ нелегка была роль тогдашняго публициста. Вспомнимъ тяжелую исторію статьи Страхова „Роковой вопросъ“, послужившей поводомъ къ закрытію журнала *Время*, когда такой чуткій публицистъ какъ М. Н. Катковъ поспѣшилъ осудить статью, не дождавшись ея окончанія. Перечитывая теперь тогдашнія статьи Страхова нельзя не дивиться ихъ тонкой ироніи, неуклонности взглядовъ автора, изяществу изложенія и это въ то время, когда считалось большимъ достоинствомъ яростно кинуться на противника, представить его какъ можно въ болѣе смѣшномъ видѣ. Потомъ литературные противники Страхова приняли другую тактику: они стали замалчивать о немъ, и до сихъ поръ очень многіе образованные русскіе люди не имѣютъ о Страховѣ никакого понятія. Въ началѣ 70-хъ годовъ появились первыя статьи Страхова о графѣ Толстомъ. Правда, что еще А. А. Григорьевымъ въ статьѣ „Пропущенное и забытое критикой явленіе русской литературы“ оцѣнены были первые шаги Толстаго. Но Григорьевъ, не доживши до полнаго развитія этого геніальнаго писателя, который первый познакомилъ Европу съ особенностями русскаго національнаго духа, не могъ оцѣнить всего его великаго значенія. Въ 1872 г. появилось лучшее изъ сочиненій Страхова. „Міръ, какъ цѣлое“. Этотъ стройный, изящный и цѣльный трактатъ о философіи природы, заключающій въ себѣ столько оригинальнаго, долго оставался вполнѣ неизвѣстнымъ русской публикѣ. *Табу*, наложенное на Страхова журналами 60-хъ годовъ, все еще магически дѣйствовало на читателя, который никакъ не могъ забыть насмѣшекъ надъ статьями Страхова „о жителяхъ планетъ“, (составившими часть этого сочиненія). Даже теперь, когда вышло второе изданіе этого сочиненія (первое попало къ букинистамъ) до сихъ поръ мы не встрѣчаемъ серьезной полновѣсной оцѣнки міровоззрѣнія Страхова.

Въ 80-хъ годахъ Страховъ началъ собирать свои старыя статьи: появились три книги: „Борьба съ Западомъ въ русской литературѣ, критическія статьи объ И. С. Тургеневѣ и Л. Н. Толстомъ“, „Объ

основныхъ понятіяхъ физіологіи и психологіи", „О вѣчныхъ истинахъ (мой споръ о спиритизмѣ)", „Замѣтки о Пушкинѣ и другихъ поэтахъ", „Воспоминанія и отрывки", „Изъ исторіи литературнаго нигилизма" и „Философскіе очерки".

Въ послѣдніе годы своей жизни Страховъ велъ оживленную полемику въ защиту сочиненій Н. Я. Данилевскаго, изъ которыхъ главное „Россія и Европа" было переиздано подъ его редакціею. Книга эта, хотя и вышедшая тремя изданіями, до сихъ поръ не пользуется признаніемъ со стороны русской интеллигенціи: до сихъ поръ въ журналахъ можно встрѣтить насмѣшки надъ этимъ замѣчательнымъ сочиненіемъ, которыму давно бы слѣдовало быть настольною книгою всякаго русскаго человѣка. Только недавно книги Страхова начали читаться. Вотъ что разказываетъ г. Никольскій (въ „Новомъ Времени"): „Всего три года тому назадъ, въ присутствіи пишущаго эти строки, покойный Николай Николаевичъ воскликнулъ, обращаясь къ горячо споривщимъ съ нимъ очень зеленымъ молодымъ людямъ: „какъ это, однако же, пріятно, господа,—увидѣть наконецъ, своихъ читателей!". Авось либо теперь, когда надъ свѣже закрытою могилой раздалось столько сочувственныхъ голосовъ, начнется періодъ признанія заслугъ этого въ высшей степени замѣчательнаго человѣка. Мы крѣпко вѣримъ въ то, что будущія поколѣнія станутъ изучать его сочиненія и все глубже и глубже вникать въ ихъ смыслъ. Тогда передъ ними встанетъ образъ истинно-русскаго человѣка, горячаго патріота, глубокаго цѣнителя русской литературы, человѣка, вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ знакомаго съ успѣхами европейской науки, умѣвшаго оцѣнить ее съ своей оригинальной точки зрѣнія, не подчиняясь ни чьему авторитету, но глубоко оцѣнивая всѣ авторитеты. Между русскими мыслящими людьми Страховъ долженъ занять почетное мѣсто рядомъ съ Хомяковымъ, Кирѣевскимъ, Данилевскимъ. Кто изъ тѣхъ немногихъ, которые теперь съ горемъ провожали его въ могилу въ полномъ сознаніи понесенной утраты, доживетъ до этого дня, тотъ будетъ чувствовать себя вполнѣ удовлетвореннымъ. Грустно только думать, что самъ онъ не дожилъ до него.

К. Бестужевъ-Рюминъ.